

Бывает, печально услышанная фраза зацепит душу и до тех пор тревожит, пока не найдет своего выражения на бумаге.

Так, в разное время, вроде бы между прочим сказанное А. Ф. Владимировой и М. И. Рябовой, вдруг закружилось, как на гошарном круге, обрело форму факта, обросло подробностями, объединилось одной скорбью, черное крыло которой в Великую Отечественную безжалостно накрыло тысячи семей фронтовиков. Вот почему и заголовков сложился общий.

1. АРИСТОВЫ

ДВАЖДЫ до сорок первого семья Аристовых из совхоза «Молодая гвардия» провозила отца по повестке военкомата, и поэтому домашним не в диковинку было солдатское обмундирование главы семьи.

Пока часть, в которую на второй день Великой Отечественной был зачислен красноармеец Аристов, стояла в Кубышеве, жена Елизавета успела понаедавать мужа и детей брала с собой: Федор души в них не чаял.

В короткие минуты свидания отец торопился сказать Насте и glare о том, что больше всего заботило его.

— Доченьки, берегите брата Юлю. Воспитайте, в случае чего. Вы — постарше, крепко надеюсь на вас.

— Когда отправлять будут, неизвестно, — обратился он к жене, — на дороге поглядывайте. Через двадцать должны позвать.

— От наших барак, где мы тогда жили, — уточняет Анастасия Федоровна, — полотно железнодорожное — как на ладоши.

— Старожилы дня два, — с сожалением вспоминает она, — и все-таки ж проваляли.

Пятнадцатилетний Настя больше запомнилось раннее пробуждение в последних числах июня. Беспонимно-горестный, материнский зов — крик:

— Девочки! Вставайте! Отец-то наш на войну поехал. А мы проспали...

Встрепенувшись, вскочили (спали по случаю духоты на улице, возле барака). Видят: состав уже на повороте. И как бы знаменитая печалью будущему, над вагонами взметнулись черные густой шлейф дыма.

Не слышно ни стука колес, ни паровой нагудки, но глаза сразу нагнулись на отца Федора Михайловича Аристова, выскочившего по полю из теплушки, прощально машущего рукой.

Успел-таки солдат Аристов по дороге на фронт выбросить своим в носовом платке заранее написанную записку: Прощайте, родные! Крепниесь. Битва для всех будет нелегкой. Но державу нашу никто никогда на колени не поставит.

В августе получили от отца письмо. «Стоим в Брянских лесах. Останусь живым — напишу». Ждали. Надеялись. Верили в Победу. Трудились в совхозе.

Марусю Makeеву, Настю

Аристову, Любу Семочкину и других девчат позвали в совхозную контору.

— Жалко вас, дочки, но некого на трактора сажать. Посылаем на трехмесячные курсы.

На хрупкие девчачьи плечи легли тяжести нешютерные; ни знаний, ни навыков у юных спешивших пятнадцати — шестнадцатилетних механизаторов. Но кому же хлеб растить, если отцы на войне? Нашли и сеяли на стареньких, изношенных, довоенной поры тракторах — колесниках. Вывало, завести мотор — не на герпешную кнопку нажать. Намахаться рукояткой, аж в глазах потемнеет. А слу-

заготовить, кошечку сенда накосить — привезти, где забор — плетень подправить. Да мало ли чисто мужских дел на крестьянском подворье?

Пусть малолетка, а хватки у него не девчоночьи — мужички. Где не сложит силой, споровкой возьмет. Но уж куститься, как девочка, не будет. Да и навыки кое-какие имели: сельские мальчишки довоенной поры все больше возле отцов кружились, их ремесло перенимали. Потом, в безотцовщину, крепко это сохранилось.

Но совсем мало братья Рябовы побывли вместе, Старшего, Петра, вскоре мобилизовали в ФЗО — и определили на большой завод оборонного назначения. Так он и остался кадровым рабочим. А двенадцатилетний Коля заменил отца-кошача. Под началом деду (по мирному времени тому «давно года вышли»), а по льскому позарез нужен стал) мальчишка работал в кол-

которые пришли из ближайших мест или приехали за тысячи верст, чтоб поклониться дорогим могилам.

Братья Рябовы плечо в плечо шли вперед и читали списки, отыскивая родную фамилию.

Поддерживаемая снохой и внуком, мать шла следом. Рядом — правнучка Юленька, дошкольница. Присмирившая, она чувствовала большую перемену в настроении близких. Глаза девчущки широко открытые, все заломинающие. Одна плита, вторая.

— Не наш, — кивнули братья друг другу.

У восьмой — оба вздрогнули. Прочитали вслух:

— Рябов Филипп Кузьмич.

— Отец, слышите? — деревянными губами спросил старший. Мы пришли...

— С детьми и внуками нашими, — словно захлебываясь, выдохнул младший.

Сгрудились. Положили

семь правнуков у нас с тобой.

Притомилась, горестно повила головой семидесятидвухлетняя женщина.

А Николаю Филипповичу вспомнилось, как уходил отец на войну.

Забывшим осенним днем сорок второго за окопной прощались односельчане со своими кормильцами. По одну сторону стеной провозжающие, по другую — вереница подвод, за ними — мобилизованные, пока еще в своей гражданской одежде: фуфайках, полушубках, либо в теплых пиджаках.

Коля Рябов запомнил отца коренастым, крепким, твердо шагавшим по земле. Отец оглядывался на своих молча; не любил на людях чувства свои высказывать, все самое главное сказал дома.

В десочке, светлом от олавленной листвы, по-осеннему просторном, некоторое время еще просматривались силуэты уходящих мужчин. Потом спрятался

△ На конкурс: «К 40-летию Великой Победы»

Отец уехал на войну

Счасть полонка какая? Сразу — в слезы. Идешь, пока до твоей стальной книги бригадир — фронтовик на протезе доковыляет. Заставит утереть лицо, со слезными слезами омывает, мазутом и пылью перепачканное, исправит запяточку, подбодрит словом. И опять девчонка — в бороздах, снова руки на рычагах.

...А почталонка обходила дом Аристовых старшой. Весточки от отца все не было. То, августовское письмо было единственным. Потом получили конверт, которого в войну больше всего боялись. Прочитал отец без восторга.

Время невозможно взрослело, а потом вовсе составило детей Федора Аристова; выросли внуки, отслужили в армии, отстояли свой пост на защите Родины, на смену уже идут правнуки, а в памяти Анастасии Федоровны до сих пор видится отец в пилотке и гимнастерке. Молодой, грядущий, прощально машущий рукой.

Один — из многих тысяч. Есть и его, рядового Федора Аристова, доля в общей нашей Победе. И для него горит Вечный огонь Памяти благодарных потомков.

2. РЯБОВЫ

ЗАВИДОВАЛИ люди солдатке, у которой за хозяйка парнишка оставался. У Софьи Рябовой — двое. По тем временам — целое состояние. А как же? Дров

хозе, неся бремя взрослых забот: весной — на посевах, летом — сенокос, осенью — на уборке и отправе зерна на элеватор. Всего не перечислишь.

Вестей от отца не было. Ни куда писать, ни откуда получать — семья Рябовых не знала.

А потом получила Софья Григорьевна казенную бумагу с уведомлением: пропал без вести рядовой Рябов.

Шло время. Годы — леты вдовы под уклон катились. В семействе младшего обрела мать внимание и теплоту. Николай, в свое время отслужив в армии, стал шофером на пятом отделении совхоза «Червошский».

Его жена взялась подавать запросы в архивы и военные ведомства. Четыре года не отступала. Она убеждала сверков Софью Григорьевну: «Разыщут. Не может быть, чтоб никаких сведений о нем не было».

И дождалась родные документа: «Ф. К. Рябов умер от ран 17 февраля 1944 года, похоронен в братской могиле в гор. Курске».

И опять сноха Мария Ивановна к сверкови:

— Мама, обязательно надо к нему поехать! И тебе — с нами.

...Погода в Курске на второй день ноябрьских праздников восьмидесяти четвертого была не по-осеннему теплой, солнечной, ласковой. Слово бы благоприятствовала людям,

цветы. И тут Софья Григорьевна не сдержавшись, вдруг громко, высоко и надрывно вскрикнула, как испокон веку начинали плачи по покойнику.

Чего уж, казалось бы, крику-то гурлу? Все забыто — пережыто за четыре с лишком десятилетия.

Но нет! Не забыто! Тот поймет, кто в большой войне потерял близких. И у него также хлынет к сердцу волна горячая, кинется выше к горлу, перехватит его бечевой жесткой. Потом отпустит и даст волю голосу.

— Мама! — бросился к матери Петр Филиппович, приобнял ее. — Посмотри, сколько здесь людей. У всех горе: у кого-то сын, у кого-то брат, или как у нас — отец. Сдерживаются.

Внял словам своего старшего, заговорила — запричитала вдова, обращаясь к мертвому, как к живому:

— Вот я и узнала, родной мой, где ты сорок годов уже поминаешь. Все в точности вышло, как ты говорил. Наши победили. И твою в том долю узнал. Не забывай ты тут, в городе Курске.

Мать-сыра земля никому в приносе не отказывает, и могила твоя хоропами людьми уложена, но прими, Фля, и с родной сторонки земли горсточку...

— Много мы, вдовы, горились без вас, но фронту помогли сколько сил хлатало, и детей на ноги поставили. Девять внуков и

лись за косогором подвояды, и скрылась отцовская кепка...

Томаше долгое молчание взрослых нарушила Юленька. Грохнул бабуську, внучка показала рукой на церемонию смены караула и памятника Солдату.

— Это для нашего дедушки памятник? — спросила она.

— Для всех, кто погиб за Родину.

В кипе поезда Юленька призналась бабушке Маше:

— А можно, я сорвала елочку с дедушкиной могилки?

И вынула из vareжки две крохотные душистые веточки туи.

Теперь они своего рода реликвия в роду Рябовых. Память о муже и отце, погибшем на войне. Одна веточка осталась у правнучки Юленьки, другая — в доме Николая Филипповича, где живет сейчас солдатская вдова.

РАССКАЗАНЫ две истории. Самые обычные. В них — ничего выдающегося. Просто миллионы советских людей, когда Родина в трудный час позвала всех на помощь, честно и самоотверженно, в тылу и на фронте делали тяжкую, нужную в то время работу. И тем сообща добыли Великую Победу.

Р. БУРОВА.

пос. Черновский — село Белозерки.

ДУБОВО - УМЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЙОННАЯ ВОЛЬНИЦА. Много лет возглавляет партийную организацию болышня Т. Т. Скрынникова. 30 лет работает она акушеркой, нередко самостоятельно ведет прием женщин в поликлинике. На ее попечении — смотровой кабинет.

Добрая, душевная, Татьяна Тимофеевна умеет быть строгой и требовательной, когда речь идет о здоровье людей, о нашем будущем — детях. Не случайно одним из главных направлений общественной работы Скрынниковой считается контроль за неукоснительным

ми своих должностных обязанностей. Во время рейдов, которые регулярно проводятся в больнице, комиссии проверяют санитарные состояние, оформленные отделения, санитарно-просветительную работу и ведение истории болезни.

Это, конечно, не единственная забота коммуниста Скрынниковой. Большое внимание уделяет она политике, проведению политинформации в коллективе, оживлению художественной самодеятельности.

НА СНИМКЕ: Такса Тимофеевна Скрынникова ведет прием.

Official stamp and archival information from the Volzhskiy District. It includes the text 'Муниципальный район Волжский', 'АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ', and 'Начальник отдела'. There is a date stamp '02.05' and a signature.